

На правах рукописи

ГРИБАНОВ Дмитрий Александрович

**МЕХАНИЗМ ПЕРЕХОДА ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ВЛАСТИ В ПЕРИОД СУЩЕСТВОВАНИЯ
РАННЕФЕОДАЛЬНОЙ МОНАРХИИ
В ДРЕВНЕЙ РУСИ (IX – XII вв.)**

Специальность 12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Саратов 2008

Диссертация выполнена в Негосударственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Самарская гуманитарная академия».

Научный руководитель доктор юридических наук, доцент
Жильцов Сергей Васильевич

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор
Катаев Николай Анатольевич

кандидат юридических наук, доцент
Березовский Денис Валерьевич

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Уральская государственная юридическая академия»

Защита состоится «___» _____ 2008 года в ___ часов на заседании диссертационного совета Д-212.239.02. при Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Саратовская государственная академия права» (410056, г. Саратов, ул. Чернышевского, 104, ауд. № 102).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права».

Автореферат разослан «___» _____ 2008 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета

И.С. Морозова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы исследования. В жизни каждого государства наступают переломные этапы, в течение которых пересматриваются уже давно сложившиеся и устоявшиеся правовые нормы. Российская Федерация в настоящее время как раз переживает такой период. Происходящие в последние два десятилетия коренные преобразования затронули все стороны общественной жизни: экономическую, социальную, духовную, политическую, правовую. Заложенные в первые годы Советской власти принципы организации общества и государства более семидесяти лет считались незыблемыми и неподлежащими не только пересмотру, но и какой-либо критике. Незыблемым считался и принцип осуществления всей власти Советами. Однако учреждение поста президента сначала на союзном, затем на российском уровне, создание новых органов власти как на федеральном, так и на уровне субъектов Российской Федерации вновь поставили вопрос о порядке и процедуре перехода государственной власти.

Решение этой задачи при всей кажущейся простоте ее решения оказалась достаточно сложной проблемой современной российской государственности. Казалось, ответ на этот простой вопрос очевиден – порядком перехода государственной власти в демократическом государстве должны быть выборы. В начале девяностых годов прошлого века большей части либерально настроенной части российского общества представлялось очевидным, что существовавшая в СССР командно-административная система противоречит демократическим принципам организации государства. Однако уже к концу указанного десятилетия практика выборов показала, что неограниченное и повальное применение выборов в новой России дискредитировало в глазах значительной части населения этот, несомненно, важный институт непосредственной демократии. Попытки реформировать механизм перехода государственной власти в России в 90-е гг. прошлого века носили случайный и непродуманный характер и, видимо,

«подгонялись» под конкретные политические силы в угоду сиюминутным конъюнктурным интересам. Порядок формирования Совета Федерации и выборов депутатов Государственной Думы с момента их учреждения в 1993 г. коренным образом изменился уже трижды, порядок избрания Президента и высших должностных лиц субъектов РФ (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов РФ) с 1991 г. – дважды, и это не считая небольших изменений, касающихся отдельных аспектов выборов и порядка формирования указанных органов.

Решить подобные проблемы современной российской государственности без учета предшествовавшего накопленного веками отечественного опыта невозможно. О том, что и современное российское руководство осознает всю важность исследования истории отечественных государственно-правовых институтов, говорит хотя бы состоявшаяся в 2001 году встреча в Кремле Президента России В.В. Путина с известными историками, на которой он попытался выяснить, насколько применим опыт Древней Руси в формировании новой идеологии Российского государства.¹

Изучение механизма перехода государственной власти в Древней Руси интересен и с познавательной точки зрения, т.к. существует огромный пробел в современных знаниях о Древней Руси и организации власти в ней. Зачастую даже в научной среде можно встретить превратное представление об организации власти в Древней Руси. Так, один исследователь говорит о существовании древнерусской федерации,² другой – об избирательном праве в Древней Руси и голосовании с помощью берестяных «бюллетеней» в Древнем Новгороде и Пскове,³ третий характеризует Новгород как «буржуазную республику».⁴ И выходит, что Древняя Русь представляла собой демократическое федеративное государство с республиканской формой правления. Список подобных утверждений можно было бы

¹ См.: Родина. – 2002. – № 11-12. – С. 5.

² См.: Чертков А.Н. Древнерусская Федерация // Журнал российского права. – 2000. – № 2 – 3.

³ См.: Артеменко Т.А. Некоторые вопросы становления избирательного права в России // История государства и права. – 2004. № 5. С. 15.

⁴ Байнова М.С. История государственного управления в России. М., 2005. С. 45.

продолжать очень долго, однако, самым большим заблуждением (или намеренным введением в заблуждение) является утверждение, что русскую историю необходимо начинать с призвания варягов и конкретно с Рюрика. Это нашло свое отражение даже в названиях вузовских учебников по русской истории. Так, один из них носит название «История России от Рюрика до Путина». Хотя как будет показано в настоящем исследовании первоисточникам известно около десятка правителей у восточных славян до Рюрика. Все эти факты, безусловно, делают настоящее исследование не только актуальным, но и значимым с точки зрения изучения политических институтов у восточных славян начиная с самых древнейших времен.

Теоретическая и эмпирическая база исследования. При написании работы автор обращался к широкому спектру различных источников.

Были исследованы такие группы источников: а) русские летописи (Лаврентьевская, Ипатьевская, Новгородская первая, Никоновская и др.); б) памятники древнерусского права (Русская Правда, русско-византийские договоры, Псковская судная грамота, Церковный устав князя Всеволода); в) западноевропейские латиноязычные хроники (Хроника Титмара Мерзебургского, Великопольская хроника); г) произведения греческих и римских историков (Льва Диакона, Публия Корнелия Тацита, Иордана, Иоанна Скилицы и др.); д) памятники древнерусской политико-правовой мысли (Слово о законе и благодати митрополита Иллариона, Поучение Владимира Мономаха); е) свидетельства арабских географов (Ибн-Даста, Ибн-Русте) и др.

Основными источниками для написания диссертации послужили русские летописи и летописные своды, в которых описывается практика перехода государственной власти в Древнерусском государстве, а также отчасти процедура перехода государственной власти. Механизм перехода государственной власти был общеизвестен в Древней Руси, и поэтому летописец, к сожалению, уделяет ему не так много внимания. Вследствие чего возникали большие проблемы при толковании тех или иных мест в

летописях с целью реконструкции механизма перехода государственной власти. В историографии одни и те же выражения и поступки князей получали порой прямо противоположное толкование или расходящееся довольно значительно.

Киевская Русь находилась на границе Европы и Азии, поэтому ее история отражена как в европейских (латиноязычных и греческих), так и арабских и персидских источниках. Зарубежные свидетельства представляют особую ценность для настоящего исследования, так как, во-первых, во многом восполняют тот пробел, который связана с отсутствием отечественных письменных свидетельств в первые века русской истории, а, во-вторых, в основном посвящены описанию политических вопросов и институтов, к которым относится и механизм перехода государственной власти.

Не последнюю роль при написании настоящего исследования сыграли памятники политико-правовой мысли, в которых отражены воззрения современников на государство и власть в целом, и на механизм ее перехода в частности.

Вспомогательное значение для реконструкции исследуемого политико-правового института играли русские былины и исторические песни.

Огромное значение на формирование собственного суждения автора о заявленной в названии работы проблеме сыграли научные работы историков, филологов, теоретиков и историков права:

- дореволюционных отечественных ученых: К. Бестужева-Рюмина, М.В. Владимирского-Буданова, С.А. Геденова, М.С. Грушевского, М.А. Дьяконова, И.А. Ильина, Н.М. Карамзина, В.О. Ключевского, Н.И. Костомарова, Ф.И. Леонтовича, М.В. Ломоносова, К. Неволина, А. Нечволодова, Н.П. Павлова-Сильванского, Д.Я. Самоквасова, В.И. Сергеевича, С.М. Соловьева, И.Л. Солоневича, Ф.В. Тарановского, В.Н. Татищева, Л.А. Тихомирова, С.Ф. Платонова, А. Рейца, М.М. Щербатова, И.Ф.Г. Эверса;

- советских и современных ученых: В.Ф. Андреева, С.В. Бахрушина, И.Д. Беляева, А.П. Богданова, Л.С. Васильева, А.М. Величко, А.Б. Венгерова, С.Б. Глушаченко, Б.Д. Грекова, И.Н. Данилевского, А.Ю. Дворниченко, В.В. Долгова, И.В. Дубова, Х.М. Думанова, Е.В. Державиной, А.Б. Дубровиной, В.В. Еремяна, С.В. Жильцова, Н.М. Золотухиной, И.А. Исаева, М.А. Исаева, Т.В. Кашаниной, А.Н. Кирпичникова, Е.И. Козловой, А.В. Коптева, Н.Ф. Котляра, Ю.К. Краснова, А.Г. Кузьмина, В.В. Кускова, О.Е. Кутафина, В.А. Кучкина, А.Н. Лебедева, Г.С. Лебедева, Г.Г. Литаврина, В.Я. Любашица, В.В. Мавродина, Д.А. Макарова, С.А. Мельникова, И.В. Минникеса, А.А. Мишина, В.В. Момотова, А.В. Назаренко, А.П. Новосельцева, С.И. Ожегова, Ю.В. Оспенникова, Р.А. Папаяна, А.И. Першица, И.В. Петрова, Д.Р. Погосбеяна, А.Е. Преснякова, В.В. Пузанова, Н.Л. Пушкаревой, Е.В. Пчелова, О.М. Рапова, В.А. Рогова, Б.А. Рыбакова, А.Н. Сахарова, М.Б. Свердловва, Р.Г. Скрынникова, К.С. Соловьева, Ю.Г. Сумбатяна, М.Н. Тихомирова, А.П. Толочко, П.П. Толочко, В.А. Томсинова, А. Тютюника, И.В. Умнова, И.Н. Фалалеевой, М.В. Федорова, И.Я. Фроянова, Р.Л. Хачатурова, Л.В. Черепнина, А.И. Черкасова, А.Н. Черткова, В.Е. Чиркина, П. Шрайнера, Я.Н. Щапова, С.В. Юшкова, В.Л. Янина

- зарубежных ученых: Э. Бенвениста, В. Ванечека, М. Вебера, Г.В. Вернадского, Э. Гиббона, М. Димника, Д.Е. Коллинза, К. Маркса, А. Поппэ, С. Франклина, Дж. Шепарда, Ф. Энгельса.

Хронологические рамки исследования охватывают период с V в. по первую треть XII в. Эволюция механизма перехода государственной власти рассматривается в неразрывной связи с эволюцией Древнерусской государственности, хронологические рамки которой большинством исследователей ограничиваются периодом с IX в. н.э. по первую треть XII в. Поскольку процесс становления государственности является длительным и многие политические и государственные институты своими корнями уходят в первобытнообщинный строй, освящению вопросов, связанных с механизмом перехода государственной власти в Древнерусском государстве

предшествует исследованию механизма перехода княжеской власти у восточных славян в V – IX вв.

Целью исследования является рассмотрение происхождения и эволюции механизма перехода государственной власти в Древнерусском государстве в IX в. - первой трети XII в.

Для достижения поставленной перед диссертационным исследованием цели решаются следующие **задачи**:

- исследование механизма перехода княжеской власти у восточных славян в период с V по IX в.в., т.е. до возникновения государства;
- выявление характера и степени иностранного влияния на механизм перехода государственной власти в Древнерусском государстве;
- проведение сравнительно-правового анализа системы наследования государственной власти и системы наследования собственности по древнерусскому частному праву;
- выявление основных этапов эволюции механизма перехода государственной власти в Древнерусском государстве;
- раскрытие порядка и процедуры перехода государственной власти в Древнерусском государстве в IX- первой трети XII вв.

Предметом исследования являются правовые нормы, регулировавшие механизм перехода государственной власти в Древней Руси а также правоотношения, связанные с порядком и процедурой перехода государственной власти.

Объектом исследования является механизм перехода власти в Древнерусском государстве, его влияние на форму Древнерусского государства и взаимоотношения между русскими князьями.

Методологическую основу составляет совокупность общенаучных и частнонаучных методов познания социальной действительности. К первым можно отнести общенаучные методы и способы исследования – анализ, синтез, дедукция, индукция. В основу исследования положен хронологический метод, согласно которому эволюция института перехода

государственной власти рассматривается в хронологической последовательности. Кроме того, используются и другие частнонаучные методы познания историко-правовых явлений – конкретно-исторический, сравнительно-исторический, метод источниковедческого анализа. Из собственно юридических были использованы сравнительно-правовой, историко-правовой метод, метод юридической и политической антропологии. Кроме того, адекватная постановка исследовательских задач и выбор пути их решения потребовали применения системного анализа и системного подхода.

Научная новизна исследования состоит в том, что оно представляет собой первое комплексное историко-правовое исследование, посвященное механизму перехода государственной власти в Древней Руси. Особое внимание уделено исследованию корней изучаемого правового института, выявлению значения такой политико-правовой категории в Древней Руси как «власть». Исследуется период временного византийского влияния на механизм перехода государственной власти на Руси в начале XI в.

Проведя комплексное исследование широкого спектра источников, автором были сформулированы следующие **положения, выносимые на защиту**:

1. Механизм перехода государственной власти – это политико-правовой институт, представляющий собой совокупность правовых норм, закрепляющих и регулирующих порядок определения будущего носителя государственной власти и процедуру ее перехода.
2. Категории «государственная власть» и «государственная территория» были неотделимы в представлении населения Древней Руси и обозначались одним термином «власть-волость».
3. Система наследования государственной власти строилась в основном на тех же принципах, что и наследование частного имущества и может быть обозначена как «право отчины».

4. Механизм перехода государственной власти в Древней Руси в своем развитии прошел две основные стадии: в течение первого периода примерно до конца X в. происходило его становление; второй период развития механизма перехода государственной власти с конца X до первой трети XII в. был ознаменован главенством «права отчины».
5. Основным легальным правилом перехода государственной власти в Древней Руси было наследование по прямой нисходящей линии от отца к сыновьям, причем в наследовании по закону и по завещанию имели право одновременно участвовать все сыновья.
6. Переход власти по наследству от отца к сыновьям имел своим следствием раздел территории Древнерусского государства на отдельные княжества-волости, правители которых юридически были равноправными.
7. Право отчины было не только правовой нормой, но и обычной практикой перехода государственной власти и признавалось не только князьями, но и населением Древней Руси, что нашло свое отражение в т.ч. в памятниках политико-правовой мысли.
8. Князья, лишённые княжества-волости по решению Великого князя или съезда князей, обозначались термином князья-изгои.
9. Не изменив правил престолонаследия, крещение Руси повлияло на процедуру перехода государственной власти, добавив новые символы власти, а также стадии процедуры перехода государственной власти.
10. Княжеские съезды не положили начало принципу отчины, они стали лишь новым временным средством поддержания этого принципа перехода государственной власти.
11. Киевское вече, как и собрания других городов, играло лишь вспомогательную роль в случае отсутствия прямых наследников, но даже в этом случае вече использовало процедуру элекции, т.е. поиска кандидата обладающего наибольшими наследственными правами на княжеский престол.

12. Полная дееспособность великого князя наступала по достижении им 25-летнего возраста. В случае малолетства князей, их опекуном становилась либо мать князя, если она не выходила вторично замуж, либо близкий родственник малолетнего князя или отчим.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты настоящего диссертационного исследования могут быть не только применены при чтении таких курсов как «История отечественного государства и права», «Теория государства и права», «История политических и правовых учений», «Отечественная история», «Конституционное право России», «Политология», но и быть учтены при реформировании существующего механизма перехода государственной власти.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования отражены в ряде публикаций автора и выступлений на межрегиональных и международных конференциях. Теоретические выводы и положения диссертационного исследования внедрены в учебный процесс при чтении таких курсов как «История отечественного государства и права» и «Конституционное право России» в филиале Самарской гуманитарной академии в г. Тольятти. Кроме того, содержание диссертационного исследования неоднократно обсуждалось на кафедре теории и истории государства и права Самарской гуманитарной академии.

Структура диссертации обусловлена поставленными целью и задачами, а также избранным основным методом исследования предмета. Диссертация состоит из введения, трех глав, состоящих из восьми параграфов, заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении раскрывается актуальность темы, указываются объект и предмет исследования, определяются его хронологические рамки,

источниковая база, приводятся методология исследования, его цель и задачи, формулируются полученные результаты, отмечается научная новизна и научно-практическая значимость исследования.

В первой главе – **«Понятие механизма перехода государственной власти и его освещение в научной литературе по истории Древнерусского государства»** – вводится новая категория «механизм перехода государственной власти», а также исследуется научная литература, посвященная указанному древнерусскому государственно-правовому институту.

В первом параграфе автором, прежде всего, отмечается, что механизм перехода государственной власти это сложное многоаспектное политико-правовое явление, которому, к сожалению, уделяется довольно мало внимания. Однако в научной литературе практически нет упоминаний об этом институте. Исследователи, как правило, рассматривают этот единый институт отдельно, применительно к монархиям используются термины «порядок престолонаследия» и «коронация» («настолование»), а к республикам – «выборы» и «инаугурация» («инвеститура»). Автор предлагает вместо двух отдельных понятий использовать единую категорию – механизм перехода государственной власти, под которой следует понимать политико-правовой институт, представляющий собой совокупность правовых норм, закрепляющих и регулирующих порядок определения будущего носителя государственной власти и процедуру ее перехода. Под порядком перехода государственной власти понимаются правила определения будущего верховного носителя (носителей) государственной власти, закрепленные в законах или в правовых обычаях государства. В зависимости от того, кому формально принадлежит власть в государстве, различают два основных способа перехода государственной власти. В республиках власть формально принадлежит народу, который делегирует ее своим представителям посредством выборов, а потому считается, что в республиках

народ имеет формальное право отозвать своих представителей или не избрать их на эту должность на следующих выборах.

В монархиях формально считается, что государственная власть принадлежит одному человеку в силу его происхождения, чаще всего, как считается, божественного. Будущий носитель государственной власти определяется в порядке престолонаследия, т.е. он должен иметь близкое родство или, по крайней мере, свойство с предыдущим правившим монархом, через которое и передается его «божественное» предназначение для осуществления государственной власти. Под порядком престолонаследия необходимо понимать государственно-правовой институт в монархии, представляющий собой совокупность правовых норм, закрепляющих и регулирующих правила определения наследника престола.

Также как и в республиках бывают процедуры, внешне напоминающие процедуры, свойственные монархиям (например, предложение президентом, у которого заканчивается срок полномочий, кандидатуры на этот пост), так и в монархиях не редко случаются процедуры, которые внешне напоминают республиканские. Так, несмотря на то, что в Византии происходили частые смены императоров и династий, прежде всего путем провозглашения императором удачливого полководца или в результате открытых захватов власти, Византия была монархией. Также как была монархией Россия в течение периода с конца XVI в. и до конца XVII в., хотя почти все цари, начиная от Федора Иоанновича и до Петра Первого включительно избирались (утверждались) Земскими Соборами. Такие действия нельзя называть выборами в строгом смысле, т.к. даже в случае отсутствия монарха народ не обладал государственной властью. От него лишь требовалось утвердить, то, что уже было решено другими властными институтами: войском, Боярской Думой и др. Эти действия носили характер *ad hoc*, в то время как одним из признаков выборов является их периодичность.

Такие действия необходимо, поэтому обозначить не термином «выборы», а другим термином. По нашему мнению, наиболее подходящим

термином является «элекция», от лат. «Electio» – избрание, тщательный выбор. Под элекцией следует понимать процедуру определения кандидатуры для замещения престола, в случае отсутствия наследника согласно правилам престолонаследия, и последующее утверждение этой кандидатуры народом или его представителями. Хотя элекция внешне и напоминает выборы в республике, в условиях монархического сознания будущий кандидат должен иметь как можно более близкое родство с предыдущим правителем или династией. При элекции к личности будущего монарха могут предъявляться определенные формальные требования такие как: 1) наиболее близкая степень родства с предыдущим правителем, хотя это и самое главное требование при элекции, им чаще всего пренебрегают; 2) возраст; 3) пол; 4) принадлежность к определенной конфессии и др.

Вторым элементом механизма перехода государственной власти является процедура перехода верховной государственной власти. Данный элемент также как и порядок перехода государственной власти зависит от того, кому формально в государстве принадлежит верховная власть. Если в стране государственная власть принадлежит народу, а он, в свою очередь, избирает посредством выборов главу (глав) государства, то процедура вступления в должность называется, как правило, инаугурацией (от лат. *inaugurare* – посвящать) и, как правило, сопровождается принесением вновь избранным главой государства присяги.

Иначе дело обстоит в монархиях, где верховная государственная власть принадлежит одному лицу и переходит не в силу выборов, а в силу личного права, божественного происхождения. Акт вступления в должность в монархиях называется, как правило, коронация, которая сопровождается вручением монарху символов государственной власти – инсигний – короны, скипетра, державы, некоторых деталей одежды и т.д. В некоторых странах в силу определенных обстоятельств представление о короне (царском венце), как о символе монархической власти, не сложилось. Определяющее значение в таких странах занимает восхождение монарха на престол, и поэтому в

таких странах следует говорить не о коронации, а об интронизации (настоловании).

Во втором параграфе автор детально исследует научную историографию исследуемой проблемы и приходит к выводу, что, несмотря на то, что вопрос о механизме перехода государственной власти в Древней Руси по своему возрасту не уступает самой отечественной исторической науке, к современному этапу развития отечественной исторической и историко-правовой науки общего мнения на данную проблему не сложилось. Более того, в науке существует мнение, что «все попытки выяснить закономерности этого «кругооборота князей на Руси», до сих пор не увенчались успехом».⁵ В основном авторы уделяют внимание лишь порядку перехода государственной власти, и практически не затрагивают вопроса о процедуре перехода власти, хотя детальное исследование именно этой составляющей исследуемого института может пролить свет на раскрытие вопроса о становлении государственной власти в Древней Руси. Авторы, обращаясь к исследованию данной проблемы, зачастую описывают практику перехода власти, забывая, что целью исследования является реконструкция правовых обычаев, несомненно, существовавших в Древнерусском государстве и регулировавших порядок и процедуру перехода государственной власти. Этим и можно объяснить, что авторы приходят к выводу о захвате власти, как легальном основании. Захват власти в указанный период не считался легальным основанием, хотя и имел место в практике политических отношений, но в качестве нарушения существовавшего порядка.

По-прежнему дискуссионными остается большое количество аспектов института перехода государственной власти, а именно: рассматривались ли женщины в качестве претендентов на власть или нет, каков был правовой статус князей-изгоев, существовало ли одно главное правило перехода власти или действовало сразу несколько равнозначных начал, какова была роль веча

⁵ Головкин А.Б. Князь Роман Мстиславич // Вопросы истории. – 2002. – № 12. – С. 52.

в указанный период в механизме перехода государственной власти. Пожалуй, легче будет сказать, в чем большинство исследователей сходится. Мало кто отрицает лишь один аспект порядка перехода государственной власти – монопольное право на власть лишь за представителями династии Рюриковичей начиная с конца X века, когда были в основном ликвидированы местные племенные княжеские династии.

Методологической ошибкой многих авторов является неверное определение хронологических рамок исследования. Предлагаемые авторами временные периоды кажутся нам не вполне обоснованными, и в определенной мере произвольными.⁶ При определении хронологических рамок исследования истории элемента формы государства, по нашему мнению необходимо руководствоваться периодизацией истории эволюции самой формы государства в целом, поэтому рамки исследования следует ограничить периодом с IX в. по начало XII в., однако в целях наиболее глубокого исследования в работе дается анализ процесса становления института княжеской власти у восточных славян начиная с V века нашей эры.

Глава вторая – «Возникновение и становление механизма перехода государственной власти у восточных славян» нацелена на определение истоков княжеской власти и выявление процесса генезиса механизма перехода государственной власти у восточных славян.

Автор исходит из того, что, как и многие другие государственно-правовые явления, механизм государственной власти находится в генетическом родстве с институтами родоплеменной организации. Поэтому изучение механизма перехода государственной власти в Древнерусском государстве начинается с исследования генезиса княжеской власти у восточных славян, а также порядка и процедуры ее перехода в первобытном обществе.

⁶ Авторами, например, предлагаются такие периоды как IX – XI вв., X – XV вв., X – XIII вв., VI – XIII вв.

Появление славянских племен на территории Русской равнины ученые обычно относят к V-VII вв. нашей эры. К этому времени славяне достигли достаточно высокого уровня общественного развития, который с определенной долей уверенности может быть обозначен как позднеродовая община. Достижению этого уровня предшествовал длительный процесс развития общественных институтов, уходящих своими корнями в общеиндоевропейскую историю.

Обычно, характеризуя общественные институты раннепервобытной общины, ученые отмечают, что для нее было характерно народовластие, однако «особый авторитет имели зрелые умудренные опытом люди, очень часто – старшее поколение».⁷ Из числа старейшин выходили лидеры, которые осуществляли руководство коллективом. Первоначально эти лидеры занимали свое положение в силу общественного признания, т.к. выполняли все или большинство действий, направленных на благо коллектива, лучше остальных, благодаря своему жизненному опыту могли давать своим соплеменникам советы, которые оказывались правильными и т.д.

Постепенное увеличение полномочий и преимуществ главы племени, а, следовательно, увеличение его роли в жизни племени повлекло за собой трансформацию признания лидера в процедуру его избрания. Если признание не предполагало определенного рода процедур и имело характер скорее психологический, чем общественно-политический, то избрание, очевидно, предполагало определенную процедуру, пусть и достаточно простую. Первой стадией являлось выдвижение кандидатуры собранию взрослых свободных соплеменников. Выдвижение кандидата происходило в пассивной форме, т.е. вождь выдвигался другими соплеменниками, а не сам предлагал свою кандидатуру. Следующим этапом было утверждение кандидатуры всем племенем. На начальных стадиях развития этого общественного института вождем племени мог стать любой полноправный представитель племени.

⁷ Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества. – М., 2001. С. 178.

С учащением военных столкновений одним из обязательных требований к будущему князю становится наличие у него военных талантов, как предводителя, так и рядового воина. Примерно к VI-VII вв. н.э. накопление богатства как следствие военной добычи, продажи пленников-рабов, расширения хозяйства вследствие занятости в нем патриархальных рабов, включение в состав патриархальной большой семьи знатного соплеменника обедневших членов племени способствовало соединению «знатности» и «богатства» в рамках отдельных родов у восточных славян. Следствием данного явления стало формирование знатных родов и предпочтительное избрание князей из представителей этих родов. Обычай избрания вождем племени преимущественно из представителей верхушки восточнославянских племен к началу VII века в целом трансформировался в наследование княжеской власти представителями одного из родов племени, что нашло свое отражение и в летописях.

Вследствие объединения племен в племенные союзы вставала проблема упорядочения механизма перехода власти князя союза племен. Первоначально вопрос о главе племенного союза решался в зависимости от способа объединения племен в союз: если это было добровольное объединение для организации похода на сопредельные племена или государства или отпора внешнего врага, то главой такого межплеменного объединения лицо становилось в силу избрания. Если же объединение происходило посредством завоевания одного племени другим, то главой союза племен становился, естественно, вождь победившего племени с сохранением определенной политической автономии местной племенной элиты.

Развитие племенных союзов восточных славян происходило более или менее синхронно как на востоке Русской равнины, так и на северо-западе. Со смертью князя союза племен неизбежно вставала проблема перехода его власти. Одним из способов выхода из сложившейся ситуации, наряду с наследованием власти союзного князя, была элекция князем представителя

княжеского или другого правящего рода, не входившего в межплеменной союз. Такой элекцией, по всей видимости, было избрание Рюрика северо-западным союзом восточнославянских и финно-угорских племен. Факт элекции Рюрика князем являются еще одним доказательством наличия у восточнославянских племен сложившейся системы престолонаследия, и не может быть поставлен в один ряд с избраниями князей.

Элекция Рюрика ошибочно ассоциировалась в глазах современников и некоторых представителей норманнской теории происхождения Древнерусского государства с возникновением государства у восточных славян. По мнению автора, не следует преувеличивать значение «варяжского элемента» по нескольким причинам: во-первых, факт элекции Рюрика, был, только «вершиной айсберга», лишь внешним проявлением тех сложных общественно-политических изменений, которые переживало восточнославянское общество. Во-вторых, нельзя искать в факте утверждения после Рюрика начал наследования княжеской власти норманнский след уже только потому, что в самой Швеции утверждение наследственной власти конунгов произошло значительно позже. Даже в XII-XIII вв., т.е. спустя более трех столетий после элекции Рюрика шведских конунгов избирали на тинге племени свеев, после чего они должны были заручиться также согласием других племен. Следовательно, самим варягам институт наследования княжеской власти в IX веке просто еще не был известен, а потому установление наследственности княжеской власти мы склонны считать прямым следствием развития восточнославянского общества.

К середине IX в. у восточнославянских племенных союзов утвердилась системы престолонаследия, для которой были свойственны следующие черты:

- 1) в наследовании власти князя союза племен участвовали родственники предыдущего князя только по мужской линии, женщины от наследования престола отстранялись;

- 2) родство с предыдущим князем ограничивалось лишь близкими степенями родства по мужской линии – сыновья, братья, о чем свидетельствует династический кризис у ильменских словен в связи со смертью сыновей Гостомысла;
- 3) элекция князей использовалась как дополнительный (факультативный) легальный способ замещения престола князя союза племен в случае отсутствия наследников по закону (согласно правовому обычаю);
- 4) элекция князя союза племен состояла из нескольких последовательных стадий, которые, хотя и отдаленно напоминали избрание князя, принципиально отличались от неё.
- 5) процедура перехода власти князя племенного союза носила ряд черт, свойственных процедуре избрания князя в догосударственный период;
- б) убийство князя и насильственный захват власти не являлись легальным основанием перехода княжеской власти;

С конца IX века начинается процесс объединения восточнославянских племенных союзов в единое государство, которое в целом сложилось к концу X века. С начала объединения восточнославянских племенных союзов в конце IX в. и вплоть до конца X века Русь представляла собой скорее «федерацию» племенных союзов, объединенных под властью князя одного из союзов, чем единое государство. Присоединение тех или иных племенных союзов было чисто механическим. Лишь спустя определенное время они полностью инкорпорировались в политическую систему формирующегося Древнерусского государства. Во многих древнерусских городах – центрах племенных союзов, еще оставались местные княжеские династии, представителями которых были наследственные великие князья – «свиет-малики» арабских географов. Киевский князь первоначально не уничтожал местных племенных князей, а оставлял их, и не вмешивался в процесс перехода власти племенных князей, пока это не противоречило интересам киевской княжеской династии. В Древнерусском государстве представители племенных княжеских династий считали себя такими же претендентами на

власть князя союза племен, как и родственники правившего князя. Об этом говорят хотя бы следующие факты: центр союза племен был сначала на Волыни, а затем был перенесен на Днепр – в Киев, а также попытка древлянских князей захватить центральную власть киевских князей.

Сопоставление летописных сообщений о правлении Олега и Ольги с со статьями Русской Правды, посвященными институту опеки, дали автору основание утверждать, что опека в частном и публичном праве Древнерусского государства строились на одних и тех же принципах. А Олега и Ольгу необходимо рассматривать как опекунов над малолетними Игорем Рюриковичем и Святославом Игоревичем соответственно, причем в случае с опекунством Олега имелась узурпация власти последним. Деятельность опекуна князя ограничивалась моментом взросления князя. Таким возрастом было достижение князем двадцатипятилетнего возраста.

Одной из наиболее знаковых дат в истории механизма перехода государственной власти можно считать 970 год, под которым в летописи впервые указано сообщение о посажении Святославом сыновей в различные части своего государства. Распоряжение столами Святославом нельзя расценивать как распоряжение на случай своей смерти, т.к. летописец использует термин «посади», что придавало сыновьям лишь статус наместников при Святославе. Хотя и были распределены в первую очередь самые главные княжеские престолы племенных княжеств: киевский – полян, новгородский – словен ильменских и древлянский, статус верховного правителя Святослав все же сохранил за собой.

Распоряжение Святославом относительно столов не было нововведением. Святослав продолжил деятельность своих предшественников по замене местных наследственных князей племенных союзов своими наместниками. Новым стало отношение сыновей Святослава к его распоряжениям относительно столов. После смерти отца они отнеслись к государству как к наследству-отчине, а себя рассматривали как наследников по закону. Размер же доли соответствовал размеру управляемой каждым из

них области. Последняя норма, по всей видимости, и родилась в этот момент. Стол, фактически занимаемый сыном великого князя на момент смерти последнего, становился его долей в наследовании по закону. Такое положение могло быть изменено самим великим князем, который при жизни мог определить доли иные, чем фактически управляемая князем-наместником область. Впоследствии такие случаи стали встречаться более часто и выражаться в источниках более отчетливо.

Раздел государства, осуществленный сыновьями Святослава после его смерти, на несколько независимых княжеств во главе с самостоятельными правителями отчетливо показывает, что к концу X века окончательно утвердилась традиционная система престолонаследия, для которой было свойственен раздел территории государства между несколькими наследниками великого князя.

В третьей главе – **«Механизм перехода государственной власти в период расцвета Древнерусского государства в конце X – первая треть XII вв.»** подробно рассматриваются вопросы христианско-византийского влияния на механизм перехода государственной власти в Древнерусском государстве в конце X – начале XI вв., а также попытки князей его приспособить к изменившимся социально-политическим условиям.

В условиях слабых связей между различными частями механически объединенного Древнерусского государства сложившаяся к концу X в. система престолонаследия была губительна и способствовала распаду государства на части. Ситуация усугублялась еще и наличием местных княжеских династий у некоторых племен, которые, пользуясь усобицами между наследниками киевского князя, освобождались от власти последнего.

Придя к власти, Владимир все свои усилия направил на усиление власти Великого киевского князя, прежде всего, идеологическое. Проведенная им языческая реформа не дала желаемых результатов, как и его объединительная политика в начальный период его правления. Поэтому Владимир обратился к более мощному идеологическому фактору –

христианству по византийскому образцу. Приняв христианство по греческому образцу, Владимир одновременно с этим реформировал и механизм перехода государственной власти, о чем говорят различные источники, как прямые, так и косвенные. Прежде всего, изменилась внешняя, обрядовая часть перехода власти, а также ее символы. Владимир заимствовал часть императорских символов власти. К таковым, по мнению автора, можно отнести: венец с крестом, скипетр с навершием в виде креста, плащ, застегивающийся фибулой, красные сапоги с крупными каблуками, а также трон. Восприняв символы государственной власти, Владимир скопировал у Византии и процедуру ее перехода, а именно следующие этапы процедуры перехода императорской власти: 1) Облачение в императорские одежды; 2) Коронация в храме св. Софии; 3); Восхождение василевса на трон.

К концу своего правления Владимир не без влияния своей супруги Анны или греческого духовенства, прибывшего в свите царевны Анны, склонился к идее передачи всех подвластных Владимиру земель Борису и Глебу. Следовательно, в конце своего правления (примерно в 1011-1012 гг.) помимо обрядовой стороны венчания на трон Владимиром Святым была предпринята попытка установления и византийских правил престолонаследия. Автор полагает, что Владимир объявил Бориса и Глеба не только наследниками, но и своими соправителями. Нововведения Владимира, осуществленные им в конце своего правления, в механизме перехода государственной власти, можно свести к нескольким правилам: во-первых, в наследовании могли участвовать только законнорожденные с христианской точки зрения сыновья князя; во-вторых, Владимиром отменялся раздел государства после его смерти, а его наследники становились соправителями без разделения их компетенции и территории им подвластной; в-третьих, с целью обеспечения перехода государственной власти Борису и Глебу, которых Владимир объявил своими наследниками, последние были коронованы по византийскому обряду и становились соправителями своего отца при его жизни.

Столь решительные преобразования Владимиром Святым существовавшей системы престолонаследия не нашли поддержки ни у населения, ни у других его сыновей, и поэтому после его смерти произошел практически полный возврат к традиционной системе престолонаследия.

Более удачным в плане реформирования механизма перехода государственной власти, с целью сохранения единства Древнерусского государства, по мнению автора, был Ярослав Владимирович. В 1054 г. Ярослав оставил завещание, которое, хотя и закрепляло раздел территории Древнерусского государства на части, однако устанавливало необходимость политического единства между Ярославичами. Единые задачи и цели, стоявшие перед сыновьями Ярослава, требовали от них совместных или, по крайней мере, согласованных действий, а, следовательно, и политического единства. Кроме того, Ярослав попытался установить формальное старшинство Изяслава над остальными братьями. Но эта попытка Ярослава была отвергнута братьями практически сразу после его смерти и заменена коллективным правлением трех старших Ярославичей из оставшихся в живых к моменту смерти самого Ярослава.

Сложившаяся система триумvirата старших Ярославичей окончательно была уничтожена в 1073 г., чередой усобиц и насильственными захватами власти, в результате которых киевским князем стал Всеволод Ярославич, насильственно отстранив или уничтожив законных наследников-сыновей Изяслава. Княжение Всеволода не было основано на обычно-правовых нормах наследования. Поэтому, какими бы мотивами ни руководствовался Владимир Мономах, отказываясь от Киевского престола в 1093 году, он поступал в соответствии с частноправовыми нормами наследования, согласно которым наследником Киевского престола был Святополк Изяславич. Смерть Всеволода вскрыла всю неправомерность нарушений завещания Ярослава Мудрого во времена правления Ярославичей особенно в 1073 – 1093 гг. Князья лишены своих отчин начали междоусобицу, прошедшую в своем развитии два характерных этапа:

1 этап – примерно 1093-1094 гг. – возвращение Святославовичами принадлежащих их отцу владений, вызывавшее сочувствие населения и понимание со стороны других князей.

2 этап – примерно 1095-1096 гг. – попытка захвата Святославовичами владений, не принадлежавших их отцу, – эти действия уже вызвали негативную оценку и осуждение со стороны населения, и сопротивление со стороны других князей.

По окончании усьобицы произошел Любечский съезд, привлечший пристальное внимание историографов. Особенность Любечских постановлений, по нашему мнению, заключается в том, что принцип «отчины» был провозглашен так явно и так «громко», что во время съезда князья «забыли» о киевском старейшинстве, которое еще звучит в завещании Ярослава Мудрого. Киевский князь никак не выделяется среди остальных князей.

Главными итогами Любечского съезда можно считать: во-первых, подтверждение, а не провозглашение, как утверждают некоторые ученые, прав всех потомков Ярослава (как внуков, так и правнуков) в соответствии с традиционной системой престолонаследия, которая на Руси в то время нашла своё отражение в принципе «отчины». Во-вторых, князья еще раз подтвердили принцип неприкосновенности границ владений друг друга, завещанный еще Ярославом Мудрым в его знаменитом «ряде». В-третьих, князья провозглашали равенство в будущих взаимных отношениях, в отличие от постановлений завещания Ярослава. И, в-четвертых, пожалуй, самое главное, князья выработали реальный механизм соблюдения принципов, закрепленных на съезде. Данный механизм предусматривал процедуру разбирательства споров между князьями, включавшую следующие стадии: 1) Съезд всех князей Русской земли в нейтральном месте, как правило, за пределами больших городов; 2) Предъявление обвинения в совершении «обида» перед всеми князьями, приехавшими на съезд; 3) Предоставление оправдательного слова ответчику; 4) Совещание князей с

представителями старшей дружины, которое могло проходить, как обособлено от других князей, так и совместно; 5) Вынесение приговора и объявление его обвиняемому князю через своих бояр каждым князем, участвовавшим в съезде.

Попытки Владимира Мономаха и его сына Мстислава Великого, по нашему мнению, необходимо рассматривать как последнюю удачную попытку объединения Древнерусского государства. Объединительная политика этих князей строилась на создании системы сюзеренитета-вассалитета, которая существенно повлияла на механизм перехода государственной власти, установив и возможность добровольного отказа от суверенных прав на свое княжество и их передачу своему сюзерену.

В заключении формулируются итоги диссертационного исследования и сделаны основные выводы, подтверждающие научную новизну и значимость результатов исследования.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах автора:

1. *Грибанов Д.А.* Проблемы методологии исследования процедуры перехода княжеской власти в Древней Руси в VI – XII вв. // Черные дыры в российском законодательстве. 2006. № 4. (0,21 п.л.)
2. *Грибанов Д.А.* Некоторые проблемы механизма перехода княжеской власти у восточных славян в VI – IX вв. // Право и политика. 2005. № 6(66). (0,26 п.л.)
3. *Грибанов Д.А.* Периодизация истории механизма перехода государственной власти в России в IX – XVII вв. // Вестник юридического факультета: Сб. науч. тр. / филиал СаГА в г. Тольятти. Самара: Самар. Гуманит. Акад., 2004. Вып. 2. (0,41 п.л.)
4. *Грибанов Д.А.* Механизм перехода государственной власти в начальный период истории Древнерусского государства (IX – XIV вв.) // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Серия «Юриспруденция». Выпуск сорок первый. Тольятти: ВУиТ, 2004. (0.17 п.л.)
5. *Грибанов Д.А.* К вопросу об институте княжеского изгойства на Руси // Материалы Международной научной конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики» // Правоотношения и юридическая ответственность. Ч.1. – Тольятти: Волжский университет им. В.Н. Татищева, 2005. (0,29 п.л.)

6. *Грибанов Д.А.* Наследование власти и собственности в Древнерусском государстве в IX – XII вв. // *Материалы Международной научной конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики» // Правоотношения и юридическая ответственность. Ч.1.* – Тольятти: Волжский университет им. В.Н. Татищева, 2006. (0,17 п.л.)
7. *Грибанов Д.А.* «Ряд» князя Ярослава Мудрого как источник права Древней Руси // *Проблемы российского законодательства: история и современность: матер. Межрегион. науч.-практ. Конф. Тольятти, 3 – 4 февраля, 2006 г. Часть I / редкол.: Р.В. Закомолдин [и др.]; фил. СаГА в г. Тольятти.* – Самара: Самар. Гуманит. Акад., 2006. (0,29 п.л.)
8. *Грибанов Д.А.* Институт княжеского изгойства на Руси // *Проблемы российского законодательства: история и современность: матер. Межрегион. науч.-практ. Конф. Тольятти, 31 января – 1 февраля, 2005 г. Часть I / редкол.: Р.В. Закомолдин [и др.]; фил. СаГА в г. Тольятти.* – Самара: Самар. Гуманит. Акад., 2005. (0,29 п.л.)